

Николай ГРЕБНЕВ:

На хуторе моём три дома...*

...Первый – Издательский дом «Славянка». В нём всё обустроено. Доходы, правда, скромные, но с протянутой рукой не ходим. Второй – Дом литератора, убыточный донельзя, но он – дело моей чести! За третьим – моя мечта, заботы ближайшего времени – это городской Дом детской и молодёжной печати. Тут работы непочатый край, однако начало положено!

Есть и четвёртый,

в котором живу после зимней квартиры, что на Хуторской, и радуюсь весне, лету и осени. Не дом, а домик в садоводческом товариществе. Удобный, крепкий, ладный и по-моему красивый, потому что сделан исключительно своими руками. Тут я чаще чем где-либо занят литературным письмом, здесь рассказы и очерки сложились в книги. За «Чужую родню» получил от Союза писателей России Международную премию славянского единства «Боян», а за «Дуб-семицвет» Государственную премию ЦФО в области литературы и искусства...

Об усадебном доме мечтал, но не вышло: строился в ту пору, когда парткомиссии от фундамента до конька больше шести метров не разрешали. У меня выходило больше – пришлось КамАЗами возить землю...

Дело-то в том, что вырос я в многодетной сельской учительской семье, квартира была казённая, и иметь свою «хату с огородом и садом» для нас, детей, было завидной роскошью...

Но детство моё, конечно же, не было обездоленным. Отнюдь! Мама учила меня не только варить кулеш, заправлять его луком, жаренным на сале, мочить на зиму антоновку и квасить капусту, но и ловко управляться со всяким шитьём на машинке «Зингер»... Отец – мастерской, золотые руки, умел на свете всё: каменщик, слесарь, мебельщик, пчеловод, печник, знахарь, землешапец... У нас были мотоциклы, удивительный автомобиль «Запоро-

жец», фотоаппарат, кинокамера, даже телевизор, и это при том, что в селе нашем, Озёрках, что на юге Курщины, порубежном с Украиной, ещё не было электричества. Весь этот прогресс зиждился на переносном бензодвижке...

Но были ещё два обстоятельства, без которых моя жизнь не сложилась бы как есть, – это

КОНЫ И КНИГИ.

Отец даже от простых, по сути, выверенных донельзя крестьянских забот до директорских новаций в учебно-воспитательном процессе в школе проявлял себя человеком исключительно творческим, оригинальным на редкость. В нём сочетались интеллигентность и крепкая основательность селянина.

Вот почему в доме все трепетно относились к книге и уважительно – к сельскому труду. Во всю стену трёхметровой высоты главное место в нашей пришкольной квартире занимал книжный стеллаж, а во дворе к великой мальчишечьей радости был у нас хоть и школьный, по инвентарю, зато самый настоящий конь!

По старшинству среди братьев я был главным конюхом и по этой именно причине «вырос» раньше времени.

Ну а книги... Младшим читал сказки, после вечерами пересказывал их деревенской детворе на карагодном бугре возле нашего дома. Однажды книжные сказки кончились, и я сочинял свои. «Сходило с рук», пока не разоблачил меня приятель – «грамотей», мол, настоящие сказки могут быть только в книжках!

Ну что ж, будет и книжка! – решил я и не откладывая приступил к письму. Вот тогда впервые испытал муки и радость удачи в изложении устного слова на бумаге. Книжка сложилась, даже в переплёте. Благо под рукой у меня был живой пример: отцовская библиотечка учебников, сделанных им собственноручно. Книги исполнены каллиграфическим почерком, художественно оформлены. Один из этих томиков до сих пор у меня на моей главной книжной полке. Поясню: Ивана Петровича, как наиболее одарённого из учеников, назначили учителем в школе, где учился. Учебников у него не было, вот и пришлось заняться издательским делом...

Так что мои «взрослые» увлечения в сочинительстве и издательские пристрастия – все из того необыкновенного времени.

...В пору крутых перемен приступил

Книжному издательскому делу учился я дома, в детстве!